

Сергей и Дарья Пынзарь

Страницы жизни

Воспоминания, цветоводство, природа, путешествие
по Италии

**Сергей Пынзарь
Дарья Пынзарь**

**Страницы жизни.
Воспоминания,
цветоводство, природа,
путешествие по Италии**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30081894
ISBN 9785449049629*

Аннотация

Книга представляет собой сборник из трёх частей. Первая часть «Воспоминания – Рассказ о реальных событиях»: раннее детство в Молдавии, депортация и детство в д. Успенка. Работа на первой нитке газопровода (строительство дюкера через р. Надым) 1971—73 года. Жизнь и работа в тайге на трассе нефтепровода Оха-Комсомольск-на-Амуре. Вторая часть «Царство флоры»: цветоводство, природа. Третья часть – «Путешествие по Италии». Сборник богато иллюстрирован фотографиями.

Содержание

Часть первая. ВОСПОМИНАНИЯ	7
ДЕТСТВО	7
Вступление	7
Детство в Сибири	15
На постое у Елены	20
Своя избушка	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**Страницы жизни
Воспоминания,
цветоводство, природа,
путешествие по Италии**

**Сергей Пынзарь
Дарья Пынзарь**

Иллюстратор Дарья Сергеевна Пынзарь

Дизайнер обложки Сергей Филимонович Пынзарь

Фотограф Сергей Филимонович Пынзарь

Фотограф Виктор Иванович Козич

Фотограф Юрий Красюков

© Сергей Пынзарь, 2018

© Дарья Пынзарь, 2018

© Дарья Сергеевна Пынзарь, иллюстрации, 2018

© Сергей Филимонович Пынзарь, дизайн обложки, 2018

© Сергей Филимонович Пынзарь, фотографии, 2018

© Виктор Иванович Козич, фотографии, 2018

© Юрий Красюков, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-4962-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора. В книгу вошли мои воспоминания о детстве, первопроходцах Ямала, работниках СУПТР-7 треста СО-ЮЗПОДВОДГАЗСТРОЙ (Надымский участок), жизнь и работа в тайге на трассе нефтепровода Оха – Комсомольск-на-Амуре. Строительство этой трассы описано в романе Ажаева «Далеко от Москвы»; мои статьи по цветоводству и природе, которые были опубликованы в журнале «Цветоводство», а также путешествие с дочкой по Италии. Воспоминания охватывают довольно длительный период. Всё что рассказано это реальные события и имена. Надеюсь, книга будет интересна тем кто интересуется как жилось в СССР рабочему человеку. А так же; любителям природы, путешествий, и цветоводам. Посвящается первопроходцам, строителям газопровода по Сделке века Газ-трубы.

От отца и бабушки – в подарок детям и внукам. *Особо*
дочери Дарье Сергеевне. Донечка Дарёна – только благо-
даря ей эта книга выйdet в свет. Она финансировала,
она оформляла книгу. Она, по праву соавтор. Вот уже
10 лет, ущемляя себя, экономя на всем, она помогает
мне и своим семерым племянникам.

Часть первая. ВОСПОМИНАНИЯ

ДЕТСТВО

Вступление

Родился я в маленькой (по молдавским меркам) деревеньке в 1947 году. Деревня хоть и маленькая, но с долгой историей. Несколько раз меняла свое место, а теперешняя образовалась во второй половине пятнадцатого века. Пару лет назад по дороге в лес, что находится менее одного километра от меня, увидел на дороге машину. В стороне по пашне ходили двое с металлоискателями. Подошел спросить: что ищут, как успехи. Сказали, что давно тут было поселение. Очевидно, что это и было одно из мест деревни. На моей памяти там был сад и виноградник одного резеша по имени Карл. Сада давно нет, а место так и называется – у сада Карла. Я вот не знал, хотя и искал сведения о поселениях в округе, когда интересовался турецким поселением. Ничего не нашел, а кладоискатели каким-то образом знали.

Жили здесь резеши и безземельные. Резеши или боеры (так их называют по-местному) владели относительно большими земельными наделами, поэтому приписанные земли

были довольно обширны. В километре от теперешней деревни в пору турецкого владения Молдавией находилось турецкое поселение. Тепер, от этого поселения ничего не осталось, кроме кусков каменных плит бывшего турецкого кладбища. Так как деревня имела большие площади сельхозугодий, здесь создали первый в округе колхоз.

В числе первых вступили в колхоз и мои молодые родители. Мать – активистка-агроуполномоченный, отец, ранее батрачивший у местного помещика, просто колхозник. Вот в этой семье и появился я на свет, третьим ребенком. Первыми были два близнеца, но прожили они около месяца и умерли. После страшной засухи 1946 года, к 47-му, все запасы кончились и пришел голод. Многие сельчане умерли в тот год. Из детей этого года рождения остался только я – благодаря матери. Ни на минуту не отпускала она меня, держала на руках у груди, да и боялась, как бы голодный и злой отец не обидел меня. Были и такие в деревне, что спасали себя, забыв о детях. Умерли дети от голода, но и родители эти, хоть и заморили детей своих, не спаслись.

Власть, которая ранее почистила от продовольствия все хозяйства, понемногу помогала, выдавая по паре килограммов кукурузной муки. В эту муку добавляли лебеду и пекли лепешки, из леса отец приносил дикую черешню. На поле ловили сусликов, это было мясное блюдо. Гонимые голодом, люди шли на Украину менять что-нибудь на еду, шли на ближний украинский сахарный завод за свекловичным

жмыхом. Ходил и мой отец. По его рассказу, добравшиеся сразу кидались жрать, жрать, жрать, глотали не жуя. Многие, объевшись этого жмыха, падали, корчась, и умирали прямо у ямы, где находился жмых. Тем временем на запад шли эшелоны с продовольствием.

Выжили и я, и родители. Жили мы в маленьком домике на две комнатки. Вместе с нами жил брат отца дядя Гриша, недавно демобилизованный фронтовик. Первая комнатка – подобие кухни, там стояла печь для выпечки хлеба, вторая жилая. Мало осталось в памяти от этого периода моего детства, обрывки событий трехлетнего возраста. Помню себя во дворе у бабушки, возле стожка с соломой. Я ищу мячик, а бабушка ругает меня, хотя терял этот мячик не я. Помню, пугали меня дядей Мишей Баламутовским: «Вот идет дядя Миша». Я бежал к окну и высматривал. У этого дяди была машинка для стрижки. Эта машинка не стригла, а выдирала волосы на голове. Помню, ходил к маминой сестре тете Лиде, одет в кальсончики, босиком. Однажды, возвращаясь домой, оказался в вечной луже и увяз там. Появился отец и вытащил меня. Эта лужа и теперь там бывает, но на асфальте, что проложили в конце восьмидесятых, уже без грязи, в которой можно увязнуть. В том месте в центральную улицу упирается нисходящая со склона другая. Во время дождя сверху идет поток воды, и образует внизу большую лужу.

Во дворе у нас росла яблоня. Не помню вкуса свежих, но помню: ел печеные, очень вкусные яблоки. Когда пекли

хлеб, уголь выгребали к устью печи, и в этих углях пекли сахарную свеклу. До сих пор помню вкус. К 1950 году обзавелись хозяйством: корова, поросенок, куры и кролики. Летом кролики жили во дворе, а зимовали в кухне подле печи. Однажды чужой кот повадился таскать крольчат. Отец поставил петлю, в которую и попался лапой здоровенный котяра. Петля порезала лапу, стало жалко разбойника, отпустили его.

В 1950-м наша семья прибавилась, родилась сестренка. О ней (ныне давно покойной) с того времени в памяти ничего не осталось. Вот всё, что помню с возраста трех лет, если не считать подзатыльника от отца, от которого я врезался головой в угол плиты. Так и остался шрам на всю жизнь.

Пришёл 1951 год. К тому времени отец вступил в ряды «свидетелей Иеговы»¹. Пришла на молдавскую землю и весна 1951 года, а с ней и операция «Север». В одну из ночей в деревню въехали машины с солдатами. По ранее составленному местными активистами списку у дверей подлежащих депортации семей встали часовые солдаты. Следует отметить: деревня маленькая, почти все родственники. Председатель сельсовета Продан Василий был родным дядей моей матери. Председатель колхоза Баламутовский Маноле – дядя отца. Дали время на сборы до утра. Разрешили взять небогатый скарб и съестные припасы. Некоторые умудрились и порося заколоть. У нас такого не было: загрузили барахло, а из съестного не было почти ничего. Как проходи-

¹ Здесь и далее – организация, запрещенная на территории РФ.

ли сборы – не знаю, меня разбудили, когда стали грузиться на машины.

Выехали из села, и тут стали кричать: «Дедушка, дедушка!» Меня приподняли – увидел деда. Он узнал о депортации, бежал из соседнего села, чтобы проститься. Машины промчались мимо без остановки, плач и стенания, крики «прощай»... По рассказам, накануне мой уже давно покойный дядя Михаил Продан (погиб молодым на шахте) находился в районе на мельнице. Ночью узнал о депортации, бросил всё и погнал домой – предупредить. Чуть не загнал лошадей, но не успел даже проститься.

Не помню, как везли до станции, как грузили. Помнится, ехали в теплушке, оборудованной ярусными нарами, несколько семей в одном вагоне. Помню, стоял у окна и смотрел на неизвестный мир. Мимо пролетали поля, поселки, поезда. Однажды увидел березовый лес, с удивлением спросил: «Мама, мама, кто и зачем побелил столько деревьев от земли до макушки?» На крупных станциях кормили горячим, разрешали ходить за кипятком. Ходили по нужде на остановках, под вагоны, вместе женщины и мужчины. Помню, однажды после такой остановки кто-то подсмотрел у одного больные фаберже, большие очень. Рассказал – весь вагон хохотал.

Долго ли, коротко, добрались до станции Асино Томской области. Выгрузку помню: прибыли ночью, еще был снег, и был мороз. На станции нас уже ждал санный обоз. Погрузились на сани, меня и сестренку укутали в тулуп, и трону-

лись в путь через реку Чулым до деревни Успенка, Пышкино-Троицкого района. Там определили на постой к вдове Елене Кочетковой, в дом с двумя комнатами. В дальней стала проживать сама хозяйка с двумя сыновьями-близнецами, переднюю отдали нам и семье Гаврилюк. Началось мое сибирское детство, жизнь в сибирской деревне до ноября 1959 года.

Всё, что осталось в Молдавии, – домик, корова – перешло в собственность колхоза. После прихода демократов объявили о возвращении имущества. Нужно было составить опись изъятого, подать властям. Не один год возил я отца по инстанциям, но так он и умер, ничего не получив. Говорят, некоторые судились, якобы получили. Кроме того, нашлись организаторы – предъявить иск России за депортацию. Народ записывался, записался и отец, и брат, который родился в Сибири. С каждого собирали какие-то деньги на судебную тяжбу. Я никуда не записывался, несмотря на агитацию, что вот-вот выдадут громадные деньги. Прошли года, вроде всё затихло. Никто не получил ничего.

10 февраля 2017 года.

Я, сестрёнка Галя и брат отца, дядя Гриша. Единственная фотка до высылки в Сибирь

Коллективное уже за нашим огородом в Успенке. Я в центре, рядом мама с Галей. Слева от меня Вера Флоча с детьми Костей и Валюсей. За моей спиной отец. Слева от него Черморган, отец Вали, которая сидит. Подле мамы Нина, забыл фамилию. За её спиной Вася Ротарь

Я, мама и сестрёнка Галя

Детство в Сибири

Сибирь! Леса и горы скопом
Земли довольно, чтоб на ней
Раздаться вширь пяти Европам
Со всею музыкой своей.
Могучий край всемирной славы,
Что грозно щедростью стяжал,
Завод и житница державы,
Её рудник и арсенал.
Родимый край лихих сибирских

Трём войнам памятных полков
С иртышских, Томских, Обских, Бийских
И Енисейских берегов...

А. Твардовский

Даже не знаю, с чего начать, в каком порядке вспоминать. Столько всего хранится в памяти, не уходит не стирается, до сих пор продолжает сниться, не отпускает... Успенка – деревня дворов не менее двухсот – привольно раскинулась одной улицей прямой вдоль Успенской курьи и впадающей в курью речки. Километра на три с прибавочкой, с запада на восток. Западная часть километра на два и по сей день называется Хохляндия. Восточная называется Мугулёвщина; от ее окончания до деревни Куиндат всего с километр узкой лесной тропой через сосновый лес, а там и райцентр Пышкино-Троицкое – ныне Первомайское – недалеко. Успенка – отделение колхоза с центральной усадьбой в деревне Ежи. Расстояние до Ежей пара километров, уже не тропой, а дорогой грунтовой. Эта дорога шла из города, входила в Успенку на границе Хохляндии и Мугулёвщины, называлась Троицкая дорога. Через Успенку, Ежи – на Сергеевку и далее по поселениям, расположенным вдоль реки Чулым.

Одно прозвище говорит о том, что деревня основана переселенцами с Украины и Могилевщины. На украинской стороне имелось несколько хозяйств с глухими высокими заборами из толстых брёвен, дворами. Судя по этим дворам,

а также по величине и старости кладбища Хохляндии, украинцы первыми пришли на эти земли, а могилевцы присоединились позже. Происходило это еще в царские времена, и думаю, что раньше реформы Столыпина.

Вся деревня расположена на высоком берегу с уклоном в западную сторону. В конце немного не доходит до уровня курьи, и в сильные весенние половодья вода доходит до улицы, затапливает огороды. Не счесть на земле томской рек и речушек, озёр и болот. В самой деревне Успенке помню не меньше четырех болот, и все на украинской стороне: Ермолаево болото, Школьное болото, еще пара поменьше. Весной ни проехать ни пройти, для пешеходов мостки. Через одно болотце такое, что прямо по улице, помню, машина застряла одной экспедиции. Долго они возились, передрались, пока выбрались. Страшно били одного, ногами пинали по голове, по морде, наверно шофёра. Жуткое было зрелище. Бабы кричали, ничего не помогало – били, пока не устали.

О том, что деревня старая, говорит и тот факт, что на берегу Ермолаева болота мы брали гумус (перегной) для подсыпки в лунки при посадке помидоров. По словам старожилов, там давно был конный двор, возможно, ям на ямщицком тракте. Торчали почти сгнившие пеньки столбиков, а слой гумуса был под тридцать сантиметров. Колхозное хозяйство в деревне было довольно большое: конеферма, овцеферма, свиноферма, телятник на голов под сто тридцать, в котором содержались нетели до отёла, после чего их переводили

в Ежи на молочную ферму. А ещё склады, зерносушилка... На полях получали хорошие урожаи ржи, пшеницы и овса. Выращивали лён и клевер. Лён обрабатывали в деревне – вымачивали, сушили, кудель и паклю производили. У каждого хозяйства на деревне большие огороды. Сажали вкуснейшую картошку и получали большие урожаи. Выращивали лук, репу, брюкву и морковку, и даже помидоры. Правда, помидоры не успевали созревать на грядках. Дозаривали в валенках, в соломе – в тепле... Помидорами славилась бакенщица, что жила на берегу Чулыма. По вечерам, на весельной лодке она поднималась вверх по течению, зажигала огни на бакенах, а по утрам тушила.

Огороды северной стороны упирались в полосу молодого березняка с примесью сосенок. За этой полосой метров четырьеста шириной – дорога, а за ней сплошной сосняк молодой, где изредка встречались могучие вековые сосны. Помню, пошел я, малец – шестой годик, в лес да и заблудился. Шел по этой дороге, ревел, но шел правильно, вышел к дому. Огороды южной стороны выходили к крутому яру Успенской куры. Там тропинка от одного до другого конца деревни.

На подворьях много живности. Свободно гуляли по улице поросята, куры и гуси, телята. Два стада коров на деревне – в Хохляндии свое, у мугулёвцев тоже. В каждом стаде голов поболее сотни и свой пастух. Жил на деревне и пчеловод – дед Микола. Насколько помню, исполнял обязанности попа. Церковь на деревне была, рядом со школой, но не работа-

ла. При церкви домик, вроде сторожиха церкви жила. Двор у Миколы старинный, высоко огорожен, сплошной из бревен на берегу Ермолаева болота. Пчёлы у него ну очень злые. Однажды (наверно, роение) налетели на проходившую по улице маму. Искусали страшно, но обошлось. Если такое теперь, когда сплошь аллергия, наверняка исход печален.

Раз коснулось пчел, вспомнилось: однажды за рекой Чулым на лугах заливных, на одной березе отец нашел дупло с пчелами. Захотелось ему меда сладкого, пчеловодом стать решил. Дело было к осени. Взяли пилу и топор, по курье на лодке добрались до стороны, что близко к Чулыму. Там на другую лодку и вверх по течению до протоки. Чуть по протоке – и высадились на луга, на колхозные покосы. Нашли березу, стали прислушиваться: есть ли пчёлы? Отец залез, заткнул отверстие дупла. Спилили мы дерево и начали выпиливать колоду. Первый срез сделали – всё нормально. Прикинул отец, где пилить второй, немножко пропилили, вдруг отец подпрыгнул. Пила выпала из среза, и начались половецкие пляски и спринт на рекорд – догонят пчёлы чи не догонят. И ой! И ай... Неплохо покусали, но таки мы убежали. Подождали темноты, когда эти неправильные пчёлы улягутся спать, колоду чуть дальше выпилили. С километр на горбу до лодки, потом на другую, потом до дома. Увы, не переживали пчёлы, все передохли, не досталось нам меду.

Было в деревне всё, что нужно для нормальной жизни: начальная школа, совмещенные ясли-садик, клуб, магазин.

Медпункта не было, если что – в Ежах в центральной усадьбе всё: медпункт, средняя школа, дом культуры, отдельно библиотека... Перечитав всё, что было в школьной и клубной библиотеке Успенки, помню, перешел на Ежинскую.

Много народу из Успенки не вернулось с войны, из тех, что вернулись, были безрукий, безногий, глухой, слепой. О слепом стоит отдельно. Полностью был слепой. Жил в землянке, вырытой на косогоре, с которого детвора каталась на лыжах и санках. Особо сорванцы спускались через эту землянку, используя как трамплин. Так вот этот слепой на ощупь изготавливал печки-буржуйки и трубы-дымоходы к ним отличного качества. Что склеить, починить – тоже шли к нему. Был у него особо прочный клей какой-то. Прощупывая палочкой дорогу, он ходил на прогулку, ходил на рыбалку. Ловил удочкой без всякого поплавка, по чутью. Детвора – озорники, бывало, подшучивали: идет с рыбалки, они ему ветку на тропинку. Подойдет, ветку найдет, отодвинет: «Ах вы, стервецы! Ах вы, негодники, я вам шас покажу...» Пострелята врассыпную бегут, со страху пятки сверкают.

На постое у Елены

Чуть больше года прожили мы постояльцами, но помню мало об этом периоде. У Елены два сына-близнеца, года на три старше меня. От дома далеко не ходил: по соседству, у одной бабуси, жили очень злые гуси. Эти здоровенные гуси

так и норовили потрепать прохожего и в первую очередь – беззащитного малыша. Однажды напали на сестренку Галю: за волосы трепали, по земле валяли, щипали. Мама прибежала, гусей отогнала. Несмотря на гусей, нашел я друзей. Через дорогу был дом местных учителей – Новиковых Максима Андреевича и Анны Лукьяновны, учительницы первой моей. У них сын Володя и дочка Галка, они и стали моими первыми друзьями в Успенке. Еще Коля Зуев жил почти рядом. У Новиковых и играли в основном, больше в глубине огорода, что выходил к курье. Там в конце огорода – небольшая рощица, и в ней росли лопухи, борщевик сибирский. Мы очищали корешки листьев и ели. Из стеблей делали брызгалки – игра догонялки-обливалки.

С сыновьями Елены дружбы у меня не сложилось. Эти архаровцы, не знаю, почему, поступили со мной нехорошо. Однажды они сидели на завалинке, подозвали меня. «Посмотри», – говорят и показывают мне дощечку. Не успел приглядеться, мне кинули в глаза. Оказалось, на дощечке была зола. Я, естественно, в рев: ну больно же, щипет. Прибежала мама, глаза мне промыли.

У Новиковых увидел впервые первый на деревне радиоприемник «Родина», который работал от двух здоровенных батарей. К тому времени в Успенке не было электричества, не было и радиорепродукторов. Освещались керосиновыми лампами. Увидев радиоприемник, я представлял себе, что внутри живут маленькие человечки, что это они говорят

и поют.

Мама моя работала в детсаде, который находился рядом. Через дорогу клуб, а через один дом – магазин. Где работал летом отец, не помню. Зимой вместе с другими он уехал на лесоразработки на Чичкаюл. Во второй половине лета в нашей семье опять родились два мальчика-близнеца. Почти ничего о них не помню. Пришла зима, малыши подрастали. Помню, дед Исай Гаврилюк играл с ними, а они улыбались, смеялись, агукали. Из Молдавии несколько раз приходили посылки с припасами: мука, фасоль, сухофрукты... Пару посылок прислал с Чичкаюла отец – сахар кусковой, фруктовый чай... Этот чай мы жевали просто так, было довольно вкусно.

Очень гостеприимны были местные. Если случалось зайти, когда они кушали, обязательно сажали за стол. Пришел новый год, помню, оказался в клубе на новогодней елке. Там подошел ко мне Дед Мороз с подарком. Два подарка достал из мешка, мне и сестренке, пряники, конфеты. Хорошо отца дома не было, влетело бы мне: их вера не позволяла ходить в клуб, от сатаны это считалось.

В марте заболел один из близнецов. Недолго поболел и сгорел в жару, умер. Говорили, что в медпункте не было пенициллина, спасти не могли. Через месяц заболел и скончался второй малыш, и опять остались из детей я да сестрёнка Галя. Пришла весна, с лесозаготовок вернулся отец, привез деньги.

Своя избушка

Почти в конце деревни на украинской стороне, на косогоре, стояла маленькая изба, можно сказать избушка – сени и одна комната. С дворовой стороны при стене землянка – не то была, не то отец построил сразу для поросят. При избе, кроме огорода, – ничего. В комнате русская печь, бревенчатые стены и два окошка, и жуль клопов. Послали меня на другой конец деревни, к одной бабке-молдаванке, а зачем – не сказали. Бабка дала кулек, с ним и пошел домой. По дороге заглянул, вижу – порошок. Подумал мука, зачерпнул и в рот... Оказалось это dust, травить гадов-клопов.

Купили этот домишко, переселились. Мама обмазала стены глиной, побелила. Началась жизнь в своем доме, своим хозяйством. Свой дом – своё хозяйство. Мне уже шестой год, свой дом, новые соседи, новые пацаны и новые друзья. Сначала о соседях. Наши соседи в сторону центра – хозяйство тоже крепкое, Козичи. Мы на косогоре, они наверху на ровном. Хозяин дядя Костя, хозяйка тетя Нюра. Двое детей у них: Володя, мой ровесник, и Шура, чуть меньше. Потом родилась девочка Надя, но я ее почти не помню, и младший Витя, его не помню совсем. Их единоличниками звали. Дядя Костя работал не то в сельсовете, не то в сельпо, госслужащий, получал зарплату. За тетю Нюру не знаю, может, домохозяйкой была. Чуть дальше жили учителя. Часто к ним

заходил, и когда бы ни зашел, обязательно посадят за стол, да и с собой что-нибудь дадут. А потом они уехали, из памяти исчезли, а в дом поселилась семья Гаврилюка, деда Исая. Тоже депортированные из нашей деревни.

Когда окончил начальную в Успенке, пошел учиться в Ежинскую среднюю. Там, подошел ко мне один паренек и говорит: «А я помню тебя. Мы жили в Успенке, потом переехали в Ломовицкое». Сразу за домом дяди Кости стоял дом Сергея Клотчик. Из детей старший Толя, матерщинник и курящий махру с детства, младшая Галя. Не так давно она написала мне в «Одноклассниках». Теперь в друзьях, переписываемся. Сказала, что брата нет давно. Наверно, у них я и ошивался больше всего и чувствовал себя почти как дома. Очень дружелюбная и хлебосольная семья. Дядя Сергей работал на конеферме, дома постоянно кони, от него запах крепкой махры и лошадей.

Ещё чудь дальше, за болотом, в сторону от улицы, на отшибе – семья Ермолая. Много детей: Коля, Рая, Люба... С Колей я дружил, хоть и старше меня лет на пять. Вместе ходили на охоту, а в Раю, наверно, был влюблен: при виде ее краснел, бледнел, терялся, заикался. И там я как дома был, даже лучше чем у дяди Сергея, а дяди Кости и того. Они соседи, мы, пацаны, иногда вздорили, а, как известно, из-за детей соседи, бывает, скандалят.

После нашего косогора была низина, пустое место. По весне там от талых снегов долго стояла вода, потому ни-

кто не строился. За низиной – маленький домик, тоже переселенцы, почти ничего не помню о них, наверно, жили недолго, переехали. Потом хозяйство крепкое деда Филипа, охотника и рыбака, за его огородом в лесу косогор, а там в норах жили барсуки. Дед Филип ловил их. У Филипа двое детей старше меня и два близнеца чуть младше. Один из детей, дядя Ваня, – мой спаситель. Кабы не он, не писал рассказы теперь я. Но это было позже. Теперь я дружу в интернете с сыном дяди Вани Виктором Козичем. За дедом Филипом опять пусто. На этом месте чуть позже построился дядя Ваня. Потом дом семьи Чемортан, тоже из высланных. У него две дочери – Оля и Валя. Обеих нет давно уже – вернулись на родину в Молдавию в соседнее село, тут и жили до кончины.

В Успенке всего семей двенадцать жили из высланных. На нашей стороне мы – Пынзари, Гаврилюки, Чемортан, семья Ботнарюк, еще одна семья на берегу Ермолаева болота, не помню фамилию. И на самом краю нашей магалы еще семья. В другом конце, на Мугулёвщине, на косогоре три семьи построили себе землянки: Поплавский Тимофей – руководитель местной ячейки «свидетелей Иеговы», одна одинокая молодая, чуть позже там построил себе землянку Ротарь Вася. По улице в избах семья Пописташ, еще одна семья и один домик – одинокая женщина. В Ежах, в центральной усадьбе, помню две семьи Кристя, жили почти у берега речки Ежинки. Эти гостеприимные, хозяин Кирилл – добрый

человек, часто к ним ходил, с его детьми дружил. Чуть наискосок, через дорогу от нас жила баба Ирина Шадуря. Женщина маленько не такая, чуть шепелявая хохлушка. Помню, приносила отцу заточить пилу. А еще, когда злилась, помню ее слова: «Уууу, чейти ня усские!» После бабы Ирины крепкое старинное хозяйство, потом бугор, и там землянка Василия, того самого слепого мастера – золотые руки. Правда, никто не звал его по имени. Кроме слепоты, у него еще позвоночник был искривлен, потому все называли Горбатым. За бугром овраг, вдоль оврага тропинка к курье, на скоп Козичей – место купания всей округи. За бугром дом старика совершенно глухого, потом еще дом, и последний дом тети вроде Авгинья, если не ошибаюсь с именем.

Вскоре к нам в землянку попросился жить на время Вася Ротарь. Мы бедные, а они еще беднее. Собирался рыть землянку рядом с барсуками, передумал. Вечно жаловался что голодный, насквозь больной, но думаю, больше ленивый и с хитрецей. Боже мой, как они жили в нашей тесной землянке! Буржуйка да лежанка, и стол поставить некуда. Жена у Васи, Вера Флоча, да двое детей: Костя на два года младше меня и Валюся грудная еще. Однажды зашел к ним в землянку, родителей дома не оказалось. Валюся, вся голая с ног до головы, какашкой вымазана, вымазан и Костя. Построил Вася себе землянку в яру, где Поплавские, и переселился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.